ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ ЛЕБЕДЕЙ

Он еще молод: ему двадцать два года. Глаза его чуть печальны...

Я познакомился с ним случайно. Мы стояли у двери класса, в котором шел экзамен. Через закрытую дверь до нас доносились звуки рояля. Мы ждали, когда дойдет очередь экзаменоваться нам.

Мне показалось, что я его раньше где-то видел.

— Извините, вы откуда приехали? — спросил я его.

— Из Чувашии. А что?..

— И музыкальное училище там окончили?

— Нет, я в пединституте учился...

— В пединституте?

Он улыбнулся.

— А что же в этом удивительного?..

В это время вышла девушка, и мой собеседник зашел к профессору. Он пробыл там около часа. Профессор так долго занимался им, видимо, потому, что экзаменующийся пришёл к нему из института, имеющего самое отдаленное отношение к музыке. Наконец молодой человек вышел в коридор.

— Ну, как? — окружили мы его.

В ответ он пожал плечами — жест, как известно, обозначающий все, что угодно: от глубокого знания вопроса до полного его неведения. Но при взгляде на ликующее лицо парень-

ка было ясно, что ему сопутствовал успех.

Мы с ним попали в одну группу и учились у того же профессора, которому сдавали приемные экзамены. Учился мой новый знакомый со всей страстью, и музыка стала его жизныо. С первых же дней нашего знакомства я хотел, чтобы он стал моим близким товарищем, и теперь мы — неразлучные друзья.

Как-то мы сидели с ним вдвоем в одном из классов консерватории. Сказав мне, что ему не дает покоя одна мелодия, он

сел за рояль и начал играть... Опять та же мелодия! Он играл

ее месяц тому назад, вчера, сегодня... Я спросил:

— Что это у тебя, дружище, за привычка: каждый раз, как сядешь за рояль, неизменно начинаешь играть «Танец маленьких лебедей?»

Плечи его слегка вздрогнули. Он пристально посмотрел на

меня, но ничего не ответил.

— Что-нибудь вспомнил, да? — допытывался я.

На этот раз он даже не взглянул на меня, продолжая играть. Теперь я был убежден, что с этой мелодией у моего товарища связаны какие-то воспоминания — дорогие и грустные одновременно. Для него, казалось, сейчас не существует ничего окружающего. Он весь ушел в мир этих дорогих его сердцу звуков, рожденных струнами его сердца. Но и в порыве своего творческого вдохновения он был таким, каким я видел его всегда — одухотворен и торжественно спокоен.

Вот он кончил играть и откинулся на спину стула, слушая, как замирает рожденный им аккорд. Потом повернулся ко

мне и спросил:

— Ты спрашивал, не напоминает ли мне что-нибудь эта мелодия?

— Да, спрашивал.

— И тебе очень хочется знать об этом?

— Как хочется знать обо всем интересном.

— Что ж, я могу рассказать,

И медленно, отделяя каждое слово, как-будто вспоминая что-то забытое, он начал свой рассказ...

— Лет пять тому назад, в начале июля, мы — отец, старший мой брат и я — отправились в лес. Брат был женат, решил отделиться, и для него надо было строить дом. До начала страды отец решил заготовить лес для постройки этого дома.

Лес находился километрах в двадцати от нашей деревни, и нам временно приходилось жить там же, в лесу, в доме знакомого отцу лесника. Лесник этот — хороший дружок моего отца. Они подружились где-то на фронте и почти всю войну прошли вместе. Я помню, он раза два заходил к нам, у нас есть и фотокарточка, где они сфотографированы вместе с отцом. Лесник и теперь еще ходит в гимнастерке, в сапогах и галифе из толстого сукна.

Уже заходило солнце, когда мы, перевалив через глубокий овраг, остановились у домика лесника. В доме мы увидели человека, сидящего спиной к окну. Услышав стук колес, он

оглянулся.

— А-а! Елизар! — радостно воскликнул хозяин. — Добро пожаловать, дружище! Подожди-ка, я сам выйду. — Он тут же

исчез, и через некоторое время раскрылись широкие ворота,

в которые был виден вместительный двор.

— Давайте, давайте, заходите! — приглашал лесник, здороваясь с каждым из нас за руку. Показав на меня, он спросил:

— И этот твой?— Мой, средний.

— О-о! Тогда у тебя и еще есть кого женить! — подмигнул лесник. — Через год опять к нам за бревнами.

— Через год еще рано. Сначала институт кончить надо...

В институте учится?Нет, с осени пойдет.

— Хорошее дело... Давайте, распрягайтесь.

Дав корм лошади, мы зашли в дом. В нем было чисто, уютно, словно в какой-нибудь городской квартире. На окнах расшитые занавески, пол крашеный, блестит. У стены стоят два шкафа со стеклянными дверьками, в углу на подставке поблескивает лаком радиоприемник. Но больше всего меня заинтересовало то, что в доме было пианино. «Неужели лесник или его жена настолько сильно увлекаются музыкой?» — удивился я.

— Рассаживайтесь и будьте как дома,— приглашал хозяин, скрываясь в сенях.— Сегодня все женщины ушли,— продолжал он, снова входя в комнату и ставя на стол тарелку с солеными грибами.— Жена где-то в лесу сено косит, Лида с Георгием, одному богу известно, где целыми днями пропадают, возможно уехали в деревню... Ну да мы сами какнибудь справимся,— рассуждал лесник, открывая шкаф и доставая оттуда бутылку красного вина или настойки.

— Это ты напрасно, Иван,— не особенно уверенный в своих выводах, поглядывая на бутылку, произнес отец.— Не

надо бы...

Ничего, со встречей никогда не мешает, —возразил лесник.
 Он налил в рюмки вина и поставил перед нами.

- Со свиданьем, Елизар Кузьмич!

Мне не хотелось пить, но хозяин в этом вопросе оказался очень настойчивым. «Теперь ты уже большой, среднюю школу кончил». Пришлось уступить.

Не привыкший ни к чему хмельному, я почувствовал, что голова начинает кружиться, и весь я как-то внезапно ослаб.

Я вышел просвежиться.

Дом лесника стоит посреди небольшой, окруженной разнолесьем полянки. На правой ее стороне лежат кучи бревен, поленницы дров. Рядом с огородом, обнесенным жердями — стог сена, около которого стоят и жуют сено красная корова и подтелок. На северной стороне поляны — глубокий овраг.

Почувствовав снова себя хорошо, я зашел в дом. За столом шла оживленная бесеца, причину возникновения которой нетрудно было установить по опустевшей бутылке. Хозяин рассказывал о своей лесной жизни, а отец — о колхозных делах. Лесник до войны был комбайнером, но, демобилизовавшись, в МТС не пошел, о чем, судя по его словам, теперь жалеет и думает в недалеком будущем опять встать за штурвал комбайна.

Через открытое окно я вдруг услышал звук мотора, а через некоторое время увидел и мотоцикл, с шумом приближавший-

ся к дому.

За рулем сидел лет пятнадцати мальчик, а на заднем сиденье — по городскому одетая и уже совсем взрослая девушка.

— Вот и приехали, — сказал лесник, подходя к окну. — Дочка сейчас гостит. Она у меня в консерватории учится.

Только теперь понял, как и зачем в этот дом попало

пианино.

Дочь лесника — он назвал ее Лидой — ничуть не смутилась и не удивилась тому, что за столом сидят незнакомые люди. Войдя, она поздоровалась с нами и ушла в другую комнату. Все это произошло так быстро, что я успел запомнить только ее кудрявые с легким золотистым отливом волосы.

— Ну, как там, в деревне? — спросил лесник.

— Ничего, — ответила девушка из своей комнаты и вслед за этим вышла к нам. — А мамы разве нет? — спросила она и посмотрела на нас. Когда она взглянула на меня, я смущенно отвел глаза в сторону.

К приходу матери, как видно опытная в домашних делах, дочь успела произвести всю необходимую уборку: подоила корову, накормила поросят, принесла из огорода луку, накор-

мила нас ужином и ушла в свою комнату.

После ужина старики еще долго беседовали. Время было

позднее, и отец поднялся.

— Пора, пожалуй, спать, куда ты нас устроишь? — спросил он хозяина. — Нельзя ли в сарае?

— Почему в сарае? И в комнате можно.

Сейчас в сарае лучше.

— Неплохо, — согласился лесник. — Недавно свежее сено привезли... Лида, приготовь-ка гостям постель в сарае.

— Иду, — ответила девушка и вышла, неся в руках целую

кучу одеял и подушек.

Тишина, запах свежего сена — все это, должно быть, самым благоприятным образом действовало на отца и брата. Они заснули, едва коснувшись подушек. А я почему-то не могу заснуть. Я слышу какое-то гуденье и вижу что-то белое, вися-

щее на перекладине. Это белое не дает мне покоя. «Что же это может быть? В конце концов я встал, пристально всмотрелся и обнаружил, что на перекладине белелось мочало, а гудел,

по всей вероятности, шмель.

Сон коснулся моих глаз в то самое мгновенье, когда в лесу, совсем рядом с сараем, крикнула какая-то птица, всполошив кур, поднявших пронзительное кудахтанье. Тогда я, потеряв всякую надежду уснуть, надел сапоги, спустился по лестнице и вышел во двор.

Стояла теплая летняя ночь. Был тот час, когда лес погружается в дремотную, ничем не нарушаемую тишину. Мимо меня пробежало что-то белое и остановилось у сеней: это был

котенок, который тоненько замяукал.

В этом лесу, казавшемся мне сейчас волшебным, мое сердце билось радостно и тревожно. Я прислушивался к каждому шороху, и мне не хотелось уходить из этого сказочного мира. Но приближалось утро, и я вернулся в сарай. Уже в полусне я опять услышал, как крикнула та же птица и как где-то за лесом залаяла собака... Потом передо мной возник лесник и все его семейство — жена, дочь, сын... Но все они исчезли так же внезапно, как и появились. Осталась только девушка. Она приблизилась ко мне, превратившись в сказочную красавицу. Но вот куда-то пропала и она. В порыве душевного смятения я вздрогнул и проснулся... Хорошие бывают сны!

На другой день рано утром мы пошли в лес. Лесник завизировал деревья, и мы приступили к работе. Вечером, когда мы возвращались к леснику, я шел и радостный, и беспокойный. Почему радовался — я хорошо знал, но причины беспо-

койства мне и самому были непонятны.

Еще издали мы услышали, как в доме играли на пианино,

но с нашим подходом к крыльцу музыка прекратилась.

После ужина я присел к столу и начал читать книгу. Девушка подошла ко мне.

Что читаете? — спросила она.

— Пьесы Симонова.

- У нас же не было пьес Симонова. С собой захватили?
- Да. Я не знал, что у вас такая большая библиотека.

-- Куда хотите пойти учиться?

— Хочу в пединститут.

Будете педагогом, стало быть? Что ж, хорошая профессия.

— Хорошая,— согласился я,— но мне консерватория больше нравится... Только для этого нужен талант, а он дается не всем подряд.

— Ничего, -- улыбнулась она. -- Хороший педагог стоит

хорошего артиста.

В это время на щеках у нее появились ямочки, брови ее чуть заметно вздрагивали... Бывают же на свете такие! Я смотрел на нее, и мне было совершенно непонятно, как такая кра-

савица могла очутиться в лесу!..

После этого Лида часто разговаривала со мной. По вечерам я выходил и сидел на бревне перед домом. Лида и ее братишка присоединялись ко мне. Мы сидели втроем, разговаривали. Лида очень любила дразнить своего братишку, а тот, во всем подражавший взрослым, сердился на нее. Лида безудержно смеялась. «Эх вы!» — говорила она, глядя на нас. Это меня обижало, раздражало. Обижало меня то, что девушка как будто не видит никакой разницы между мной и братишкой-подростком. В такие минуты я сидел смущенный, не зная что делать. Тогда Лида, может быть догадываясь об этом, вдруг переставала смеяться и начинала разговаривать серьезно. Она расспрашивала меня о том, какие книги я читаю, чем больше всего интересуюсь, но моя стеснительность, которую я никак не мог побороть, мешала мне находить нужные слова.

— Почему-то вы не словоохотливы,— заметила мне однажды Лида.— Хотите быть педагогом, а разговаривать не любите.

Поборов очередной приступ смущения, я спросил:

- О чем же мне с вами говорить?

— Вот те на! Можно говорить о чем угодно, например о кошках.— Она рассмеялась.— В нашем городе есть один молодой поэт, так он со мной говорит только о кошках.

Я притворно весело рассмеялся и подумал: «Интересно,

о чем же пишет этот несчастный поэт?».

— Нет, вы все-таки не любите разговаривать,—настаивала она.— Тогда скажите хоть, о чем вы думаете?

— Ни о чем.

— Не может быть? Человек всегда о чем-нибудь думает. — Считайте меня тогда исключением,— обрел я вдруг дар речи.— Вот в данный момент я ни о чем не думаю.

Лида пожала плечами и зачем-то спросила:

— Кого напоминают эти деревья?

- Которые?

— Вон те два тополя, — показала она рукой в сторону

огорода.

Я посмотрел на тополя. Один из них низенький, другой — высокий — наклонился в сторону своего вечного и неизменного друга, и вершины их словно слились. Никого они мне не напоминали, поэтому я сказал:

— Не знаю.

— А мне они напоминают старика со старухой. Старуха

что-то сказала, а старик, оттого, что плохо слышит, наклонил

голову и слушает... Я очень жалею этого старика...

Я взглянул на Лиду. Мне показалось, что она печальными глазами смотрит на эти тополя... Откуда они появились здесь, кто их посадил?

Лида! — позвал лесник через раскрытое окно. — Иди-ка

сюда.

Мы поднялись и направились в дом. По дороге Лида спросила меня:

— Кто из композиторов вам больше всех нравится?

— Я люблю песню «Пастух».

— Песню Воробьева?

— Да... «Пастух сидит на холме»...

- Спеть вам ee? спросила меня Лида, переступая порог комнаты.
- Да, да, сделай милость, спой нам что-нибудь, и гости вот хотят послушать,— просил дочь слегка подгулявший где-то лесник.
- Хорошо, спою вам о пастухе,— без возражений согласилась Лида, подходя к пианино. Привычным движением руки она откинула крышку клавиатуры, взяла несколько бравурных аккордов и запела:

Пастух сидит на холме, Пастух сидит на холме. Светит солнце с неба. Пастух играет в дудку, Поет свою песню...

Все с большим вниманием слушали песню. Меня она захватила так, что, не отдавая хорошенько отчета в своем поступке, я просяще сказал:

Спойте еще что-нибудь.

— Что же именно?

- Спой-ка ту... песню Антониды, - напомнил лесник.

— Что ж, споем песню Антониды. Только ведь она не такая веселая,— сказала Лида, на одно мгновение взглянув на меня. Затем она выпрямилась на стуле, пальцы ее побежали по клавишам и в доме зазвучала печальная мелодия:

Не о том скорблю, подруженьки, Я горюю не о том, Что мне жалко доли девичьей, Что оставлю отчий дом.

Я ни на секунду не сводил глаз с Лиды. Лицо ее казалось в этот момент печальным, брови чуть заметно вздрагивали.

Как я чувствовал себя тогда — объяснить не могу, но голос ее я слышу и теперь... Она сидела у пианино — молодая и чистая, как только что распустившийся цветок. Ее маленькие пальцы быстро бегали по клавишам, а глаза смотрели все так же печально. Тогда мне хотелось обнять ее и поцеловать ее маленькие руки. Я был словно во сне и больше не мог слушать. Сам не зная что делаю, я направился к двери и, как только вышел во двор, Лида перестала петь.

Я долго бродил по лесу, а когда вернулся, в доме уже не было света. В комнате Лиды сквозь занавеску я увидел ее белую фигуру. Но, может быть, мне это только показалось...

— Где ты шляешься? — спросил брат, когда я залез на сеновал. Я ничего не ответил, и брат мне больше не докучал. Через некоторое время он встал, достал папиросы, спички и спросил:

— Курить будешь?

Притворившись спящим, я и на этот раз ничего не ответил. Вернувшись на другой день вечером, мы поужинали, и я пошел в сарай отдыхать. За ужином Лида была веселая, и это почему-то раздражало меня. Но на этот раз, сильно утомившись за день, я уснул довольно быстро.

Проснулся я от оглушительных ударов грома. Спустившись с сеновала, я увидел сидящих под навесом отца и брата, дымивших махоркой. Вскоре на крыльце показалась лесни-

чиха и пригласила нас завтракать.

Позавтракав, я взял журнал и вышел на крыльцо. Дождь все еще шел, хотя уже и не с прежней силой. Где-то за лесом сердито ворчал отдаленный гром. Под широким навесом дома было сухо, я присел на скамеечку и начал читать.

— Что читаете? — услышал я над самым ухом голос Лиды

и от неожиданности вздрогнул.

— «Новый мир», — показал я ей обложку журнала.

— Что же вы места мне не предлагаете? — спросила она.— Я вам не помешаю?

— Нет, что вы! — не в силах скрыть своей радости, вос-

кликнул я.

Подобрав полы плаща, она села рядом со мной. На этот раз я чувствовал себя смелее, и мы болтали о разных милых

пустяках.

Но вот торопливый летний дождь прошел, и в чистом воздухе ослепительно брызнули солнечные лучи, тысячами алмазных брызг отразившись в капельках воды на деревьях, кустарниках, в траве. Мне стало как-то по-особому легко, весело. Словно зачарованный, я смотрел на зеленый лес, все еще не потерявший своего алмазного убранства, слушал звеневших нежными колокольчиками лесных певцов.

Дож-дик, дож-дик, Дож-дик!

спела Лида и неожиданно предложила:

Пойдемте за ягодами.

- Нам скоро на работу надо будет идти...

Мы далеко не пойдем. Вблизи есть одно место, где очень много малины.

— Тогда пошли.

Лида забежала в дом и тут же вернулась с маленьким лукошком. Мы пошли и, промокнув до колен, вскоре вышли на полянку.

— Вот и дошли! — сказала Лида. — Эту поляну называют

«Раскорчевкой». Посмотрите, сколько ягод!

Ягоднику много, а ягод я не вижу...
Пройдемте немного дальше, там будут.

Мы прошли довольно солидное расстояние, но ягод и там было мало.

— Мы опоздали, кто-то уже успел собрать,— объяснила мне моя спутница причину нашей неудачи. Я весь вымочился, несколько раз обжигал руки крапивой и не желал больше никаких ягод.

— Пошли обратно.

Мы шли и непринужденно болтали о всяких незначительных вещах. Смотря на меня, промокшего до пояса, Лида весело хохотала, угощала меня малиной, которой мы все же немного собрали. Потом, резко сменив тему разговора, как это с ней часто бывало, спросила:

- Скажите, почему вы не любите Глинку?

— Откуда вы это взяли?

Позавчера вы не хотели слушать его песню.
 Лицо мое залилось краской, но я ответил твердо:

— Нет, я люблю Глинку, но ушел потому, что вы плохо пели...

— Разве? — удивилась Лида. — В консерватории профессора обо мне думали совершенно иначе.

— Согласен, но мне не понравилось.

Взглянув на Лиду, я заметил на ее лице легкую усмешку. Мне стало неудобно.

— Вы не сердитесь на меня, Лида, — сказал я. — Ведь моя

оценка для вас ничего не значит.

И, желая как-нибудь замять этот неприятный разговор, я сознался, что пошутил, и спросил:

— Не сможете ли вы оказать одну услугу, Лида?

— Какую?

 Научить меня играть на пианино только одну единственную песню. — На пианино? — удивившись, спросила она.— Но вы же не знаете нот.

- А вы научите без нот.

— Не знаю, смогу ли... - в раздумье ответила она.

— А вы попробуйте.

— Что ж, попробуем. Ведь вы не скоро идете в лес?

— Пока не обсохло после дождя.

— Тогда спешим...

Мы вошли в дом. В своей комнате Лида переоделась, вышла и села за пианино.

— Какую же песню вы хотите разучить? — спросила она, открывая крышку пианино. — Вальсы для вас будут слишком трудны.

-- А вы подберите полегче.

Ее пальцы побежали по клавишам.

— Может быть, что-нибудь из Чайковского?.. Знаете «Танец маленьких лебедей?»

— По радио не раз слышал.

 Тогда попробуем... Сначала я сыграю сама, а вы внимательно слушайте.

Но, признаться, я не столько вслушивался в музыку, сколько смотрел на ее пальцы, стремительно бегавшие по

клавиатуре.

— Теперь изучим по частям. Слушайте, старайтесь уловить мелодию, следите за моими пальцами.— Она сыграла первую часть.— Внимательно следите, играю еще раз... А теперь попробуйте сами... Так... Вот здесь у вас неправильно получается... Следите, еще раз сыграю.— Она стоя сыграла еще раз.— Ну, попробуйте еще раз.

Часто сбиваясь, я все же с грехом пополам уловил основ-

ной тон мелодии, сыграл, за что был удостоен похвалы.

— Хорошо! Теперь пойдем дальше.

— Она, опять стоя, сыграла следующую часть. Потом играл я, затем снова она. Я и посейчас удивляюсь, как я мог тогда так быстро усвоить эту мелодию.

- У вас музыкальное чувство развито, - похвалила меня

Лида.

В тот день я шел в лес радостно взволнованный. Меня неотступно преследовал мотив только что разученной мелодии, избавиться от него я был уже не в силах. Работал я с таким увлечением, что отец как бы ненароком заметил:

— Силушка в тебе, сынок, сегодня неизмеримая.

Заготовка подходила к концу, и через два дня, как объявил отец, мы должны были возвращаться домой. Через два дня!... Что же будет после этого? Эта мысль не давала мне покоя. Впрочем, не только эта. «Неужели,— думал я,— после столь-

ких душевных волнений я так и уеду, не сказав Лиде, что

люблю ее?»... Но сделать этого я не решался.

Еще два дня жили мы в лесу, и два дня я мучился, не находя никакого выхода. Я боялся встречаться с Лидой, избегал разговоров с ней. Я, как мог тщательно, скрывал свои чувства к ней, имя которым было — любовь. По ночам мое место было в лесу, я погрузился в какой-то молчаливый мир, разучился разговаривать, мысли мои путались, и действительность переплеталась с необузданной фантазией... Вот я слежу за ее окном, жду, когда она выйдет... Вот она появляется у окна, я иду к ней, но она исчезает, и я бессильно опускаю голову... Но что это такое? Она выходит на крыльцо, идет ко мне, я бросаюсь к ней навстречу. «Лида! Ты пришла?!» Она часточасто дышит, несмигаючи смотрит на меня, я обнимаю ее и крепко-крепко целую... Так мерещилось мне...

...Перед отъездом домой я в последний раз сыграл «Танен маленьких лебедей». Лида стояла рядом со мной, положив

руку на пианино, и следила за моей игрой,

— Вы успевающий ученик, -- сказала она.

Отец и брат уже вывели лошадь на улицу, ожидали меня. Лесник о чем-то весело разговаривал с отцом.

Я в песледний раз посмотрел на Лиду.

- Ну, прощайте, - ласково улыбнулась она.

— Прощайте...

Она взглянула на меня пристально и нежно — это я видел даже сквозь навернувшиеся на глаза слезы.

Я вышел.

С тяжелым чувством уезжал я из леса, из уютного домика

лесника, где я познал радости и первые горести любви.

Подавленный, ничем не интересующийся, я прожил дома первую неделю ни с кем не разговаривая. О чем я думал тогда? Только о том, что увидеть ее еще раз. Только один раз... И вот однажды я сел на велосипед и поехал. Добродушная лесничиха встретила меня приветливо и, несомненно, угалав цель моего визита, сообщила:

А Лидочка вчера уехала в консерваторию...

А через несколько дней и я с чемоданом в руках вышел на близлежащий большак, оказавшийся большой дорогой моей жизни. Я поступил в институт и учился упорно, успешно, может быть потому, что познал радость чистой любви. Пусть эта любовь принесла мне немало душевных невзгод, волнений, но она не прошла бесследно. Передо мной еще и сейчас стоит образ той девушки, а в сердце моем неумолчно звучит гениальная мелодия Чайковского. Там, в лесном домике, я впервые почувствовал всеобъемлющую силу музыки. Бушует ли Волга, шелестит ли ветерок вершинами придорожных

ив, плывут ли в утреннем воздухе протяжные заводские гудки — все это отдается в моей душе музыкой, ставшей второй моей жизнью. Не какие-нибудь случайные обстоятельства, а именно любовь к музыке привела меня из института в консерваторию. И этим я обязан ей — девушке из лесного домика, научившей меня впервые исполнять «Танец маленьких лебедей»...

Он умолк, встал и подошел к раскрытому окну. Некоторое время он стоял молча и смотрел на улицу. Потом, в точности

угадав мое желание, продолжал:

— Нет, больше я ее не видел. Знаю лишь, что она вышла замуж и счастлива... Ее родители?.. Они живут там же. Только в прошлые каникулы я посетил еще раз домик лесника... Может быть, это оттого, что там не было ее, но дом показался мне заброшенным, унылым и на всем окружающем его лежала печать какого-то запустения. Ссутулившийся, обросший бородой лесник угостил меня медом, напоил чаем и все жаловался на свое одиночество... Я побродил вокруг дома, сходил на ту поляну, куда мы ходили за малиной, и мне казалось, что все это было вчера...

К вечеру я вышел обратно. Перейдя поляну, я оглянулся. Лесник стоял на крыльце и приветливо махал рукой, желая

мне счастливого пути.

И хотя я знал, что в доме нет ни ее, ни пианино, я слышал свою любимую мелодию — волнующую и незабываемую, как голос первой любви. Вот почему я и по сей день её так часто играю.